

Въ Филиппо-Ирапской пустыни.

Тихо, тихо шумѣлъ сосновый боръ, когда мы подъѣзжали къ Филиппо-Ирапской пустыни. Казалось, никто и ничто (развѣ только дикій звѣрь) не тревожило и не тревожатъ этихъ могучихъ сосенъ, такъ горделиво поднимавшихъ свои вершины къ небу. Но и въть, дорога, извивающаяся среди этого дикаго лѣса, благодушно говорила, что и здѣсь не только звѣри, но и люди нашли себѣ пріютъ.

Дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время показалась чудная картина. Предъ нашимъ взоромъ развернулась небольшая равнина, со всѣхъ сторонъ обруженная какъ-бы неприступными стѣ-

нами, высокими вѣковыми соснами. Среди равнины обрисовались бѣлыя стѣны, окружающія высокую колокольню. Это и была обитель—конецъ нашего двухдневнаго путешествія.

Быль уже вечеръ. Звѣзды ярко свѣтили на небосклонѣ. Густыя вѣтви сосенъ причудливо бросали свою тѣнь на дорогу. Царившая кругомъ тишина и вся окружающая обстановка невольно, было, вызвала на воспоминанія о полной тишинѣ, шума, бѣготни и говора людей, городской жизни. Но новыя впечатлѣнія, новыя мысли вдругъ развѣяли всѣ набѣжавшія воспоминанія. Повѣяло издалека какъ-бы тихое дуновение весенняго вѣтерка, тѣмъ спокойствіемъ, которое изрѣдка выпадаетъ на долю городского жителя, спокойствіемъ, приносящимъ душевный миръ, уравнивающимъ безумныя желанія и исکانія съ реальной дѣйствительностью, напоминающимъ о другой жизни—жизни любвеобильныхъ подвиговъ, полныхъ самоотверженія и самоотреченія ради чужого людскаго счастья. Какъ-бы въ отвѣтъ на настроеніе, мы вѣхали въ ворота Обители. И такъ, мы попали въ одинъ изъ тѣхъ уголковъ, куда люди направлялись и направляются изъ міра искать душевнаго мира и спокойствія.

Въ обители мы встрѣтили радушный, отеческій пріемъ у настоятеля пустыни, Іеромонаха Анастасія. Я, зная его уже раньше, въ бытность его іеромонахомъ Кирилло-Новозерскаго монастыря и потомъ намѣстникомъ Кирилло—Бѣлозерскаго первокласснаго монастыря, былъ очень обрадованъ подобной встрѣчей. Предъ моими глазами опять обрисовался типъ, почти исчезающій, тѣхъ давнихъ монаховъ, о которыхъ напоминаетъ намъ Русская Церковная исторія, которые, принимая монашество по призванію, въ своей жизни исключительно слѣдуютъ примѣрамъ тѣхъ подвижниковъ и учителей, которыми такъ славилась прежде Русская земля. Именно, я вижу человѣка образованнаго, начитаннаго, знающаго Св. Писаніе, сочиненія Св. Отцовъ Церкви, хорошаго пѣвчаго, даже регента (онъ былъ регентомъ хора въ Кирилло-Новозерскомъ монастырѣ), работника, знающаго строительное, столярное, токарное искусства, понимающаго живопись и иконописаніе и пр. Во всемъ этомъ я убѣдился, бывая въ Кирилло-Бѣл. монастырѣ. Подъ его личнымъ руководствомъ была устроена сгорѣвшая часть величественной ограды, отдѣланъ прекрасной живописью и позолотой Введенскій соборъ, возстановлены многія зданія, построены прачешная, бани и мн. другое. Все, что, бывало, поинтересуешься узнать въ извѣстно богатомъ стариной К.—Б. монастырѣ, онъ все объяснитъ, расскажетъ. И встрѣтятся

здѣсь, я невольно подумалъ, что все, что есть болѣе или менѣе замѣчательнаго въ Филиппо-Ирапской пустыни, мнѣ будетъ извѣстно.

Просидѣвъ далеко за полночь въ пріятной бесѣдѣ, мы легли спать въ ожиданіи слѣдующаго дня.

Тихо ночью въ Обители. Всѣ, какъ видно, отдыхаютъ послѣ проведеннаго рабочаго дня. Только сторожъ четко отбиваетъ время на колокольнѣ, далеко тревожа спокойную тишину.

Но вотъ, ударили въ колоколь къ началу утрени и я услышалъ опять знакомый голосъ, дѣлающій распоряженія. Настоятели уже встали и пошелъ во храмъ. Туда-же спокойно, наклонивъ голову, покрытую черными клобуками, двигались, какъ-бы тѣни, монахи. Кончилась утренняя, началась Литургія. Просто, но довольно стройно пѣлъ монашескій хоръ. Съ чувствомъ, не торопясь, читалъ чтець. Невольно мысль унеслась далеко, вглубь прошлыхъ вѣковъ съ ихъ подвижниками, повѣяло стариной. Видно сюда, въ дремучій лѣсъ, мало кто идетъ безъ призванія, въ чемъ и пришлось убѣдиться послѣ, — хотя и небольшого, — знакомства съ братіей. Попивши чаю послѣ Литургіи, мы пошли осматривать монастырь. Дѣйствительно, какъ и ожидалъ, я узналъ все болѣе замѣчательное, что есть въ монастырѣ. На другой день осмотрѣли окрестности, побывали на рѣчкахъ большомъ и маломъ Иривѣ. Природа, среди которой расположена Обитель, дѣйствительно чудесная. Кругомъ вѣковой сосновый боръ на десятки верстъ. Рядомъ съ монастыремъ рѣчка. Не ошибается и начальство Новгородской духовной семинаріи, какъ я слышалъ, посылая сюда на излѣченіе болѣе слабыхъ воспитанниковъ. Къ тому-же, при монастырѣ, почти въ самомъ лѣсу выстроены два хорошихъ двухэтажныхъ дома для посѣщающихъ Обитель богомольцевъ.

Пробывъ въ пустыни почти три дня, я долженъ былъ уже ѣхать. Съ чувствомъ сожалѣнія оставляя я этой уютный уголокъ, находящійся подъ управленіемъ умнаго, симпатичнаго человека.

И, вотъ, послѣ проведенной зимы, полной заботъ и тревогъ, невольно чувствуется влеченіе посѣтить вновь благодатное мѣстечко, вновь насладиться обществомъ людей, отношенія которыхъ между собой исполнены только братской любви, которымъ чужды житейскія страсти, волненія, вновь хочется вздохнуть полной грудью среди возрождающейся природы, подышать чистымъ, свѣжимъ, незараженнымъ воздухомъ.

Шаломникъ.